

Р. СЕРВИС

Ленин

<Фрагменты>

ВВЕДЕНИЕ

Ленин был деятелем незаурядного масштаба. Он стал основателем коммунистической фракции большевиков, а впоследствии превратил ее в партию, совершившую Октябрьскую революцию 1917 года. Первое в мире социалистическое государство, ставшее территориальным ядром СССР, выжило и окрепло вопреки всем ожиданиям. Коммунистическое руководство страны во главе с Лениным вывело Россию из первой мировой войны и одержало победу в гражданской войне. Основав Коммунистический Интернационал, советское руководство получило возможность влиять на европейскую политику. Для крайне левых СССР стал путеводной звездой, а для либералов, консерваторов и умеренных социалистов — опасной скалой. Ленинская интерпретация учения Маркса и Энгельса, получившая после смерти Ленина название «марксизм-ленинизм», превратилась в коммунистическое «священное писание».

После второй мировой войны коммунистическая модель государства — однопартийная система, идеологическая монополия, правовой нигилизм, воинствующий атеизм, государственный террор и устранение всякой конкуренции в политике власти — распространилась на страны Восточной Европы, Китай, Юго-Восточную Азию и, наконец, частично на страны Карибского бассейна и Африки. В Восточной Европе коммунизм потерпел крах в 1989 году, в СССР — в конце 1991 года. Ни одна личность не оказала большего

влияния на становление и развитие коммунистического порядка, чем Ленин.

Всего этого могло бы и не случиться, если бы детство и юность Ленина не прошли в экстраординарном обществе, находившемся на уникальном этапе своего развития. Ленин, как и все его поколение, чья юность пришлась на конец девятнадцатого столетия, попал в водоворот исторических перемен. В это время начинал раскрываться потенциал крупнейшей в мире страны. Понемногу ослабевали старые культурные и социальные ограничения, расширялись международные контакты, весь мир восторгался научными и культурными достижениями России.

Тем не менее большинству высокообразованных россиян казалось, что начавшиеся в стране перемены идут слишком медленно. Многие полагали, что в такой огромной, неоднородной и связанной вековыми традициями стране, как Россия, перемены вряд ли возможны. И действительно, для пессимизма были основания. От Польши на западе империи до Владивостока на тихоокеанском побережье — пять тысяч миль; от берега северного Белого моря до южных границ с Персией и Оттоманской империей — две тысячи миль, и на этом огромном пространстве — очень мало дорог, речное судоходство возможно только летом, а железнодорожная сеть в зачаточном состоянии. Начатое в 1891 году строительство Транссибирской магистрали к 1903 году еще не было завершено.

Отношения Российской империи с соседями развивались не лучшим образом. С запада стране угрожали Австро-Венгрия и Германия. На юге напряженные отношения с Оттоманской империей в 1876 году переросли в войну. На востоке набирала мощь Япония. Российские власти опасались, что в случае захвата Китая третьей стороной обстановка на востоке станет еще более напряженной. Российская армия уже давно утратила репутацию непобедимости. В Крымской войне 1854–1856 годов контингент экспедиционных войск Великобритании и Франции был близок к полной победе над силами российской обороны. Хотя в битвах с турками

российская армия оказалась удачливее, все равно у российских военных не было причин для самодовольства. Империя Романовых в значительной степени утратила международную значимость, завоеванную после победы над Наполеоном в 1812 году.

Российское общество оказалось не готово к переменам. Эпохи Ренессанса и в значительной мере Просвещения прошли мимо России. В начале восемнадцатого столетия царь-реформатор Петр Великий, окончательно закрепив крестьян за принадлежащей их хозяевам землей, еще более усилил феодальные отношения. Под владычеством Романовых было создано полицейское государство, в котором игнорировались требования законодательства, запрещалась деятельность политических партий, профсоюзов и любые акции гражданского протеста, царил всепроникающий произвол властей — и все это при ужасающем масштабе бедности и столь же ужасающе низком уровне образования.

В 1861 году император Александр II предпринял попытку государственных реформ, издав указ об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Затем последовал ряд преобразований в судебной, военной и образовательной сферах. Но эти реформы были не в силах преодолеть пропасть между богатством и бедностью. На одном конце социальной шкалы находился сказочно богатый род Юсуповых, чьи земельные владения по всей России в сумме могли составить площадь небольшого европейского государства — плюс банковские счета, недвижимость, картины старых мастеров, роскошная одежда и обеды, доставляемые поездом прямо из Германии; на другом — российские бедняки. Русские крестьяне всю свою жизнь проводили в родной деревне, лишь изредка выезжая за ее пределы. Длиннобородые, в лаптях и холщовых рубахах, крестьяне жили в страхе перед Богом, как велела традиция, а не библейское учение; о проблемах общественной жизни они не имели никакого понятия. Для многих поколений династии Романовых крестьяне были всего лишь человеческим ресурсом, нещадно эксплуатируемым. Дискриминационное российское законодательство допу-

скало даже телесные наказания для крепостных крестьян. Не удивительно, что те всей душой ненавидели российские власти и богатую российскую элиту.

Но не только крестьянам был не по душе существовавший социальный порядок. Старообрядцы, не принявшие проведенной в семнадцатом столетии реформы церковных обрядов, были вынуждены стать беженцами. Вместе с членами разнообразных религиозных сект они спасались на бескрайних малонаселенных просторах Сибири, куда не ступала нога полицейского.

Не было спокойствия и на российских окраинах. В семнадцатом столетии территория Речи Посполитой¹ была разделена между Австро-Венгрией, Пруссией и Россией; на землях, отошедших к России, в 1830 и 1863 году вспыхивали восстания. Без особой любви смотрели на русских финны. На протяжении конца девятнадцатого столетия не утихали бунты на Кавказе. Даже в Украине, обычно не доставляющей царям особых хлопот, начиналось беспокойство. Российская империя бурлила.

Но все же это была страна невероятных возможностей. Российская империя обладала огромными запасами угля, нефти, железа, алмазов и золота, плодородными землями и возможностями привлечения крупных иностранных инвестиций для ускорения развития промышленности. Правящие круги государства в результате зарубежных контактов все больше склонялись к необходимости ликвидировать отставание России от промышленно развитых государств Запада. Семимильными шагами развивалась российская культура. Вся Европа зачитывалась романами Толстого, Достоевского и Тургенева. Широкую известность получили российские ученые, в первую очередь Д. И. Менделеев. Композиторы Римский-Корсаков и Чайковский добились европейской славы; у художников слава была еще впереди. Определенный прогресс наблюдался и в сфере образования: в стране быстро рос профессиональный средний класс, стремившийся создать новые социальные институты независимо от государственных властей; создавались местные органы самоуправления,

сыновья и дочери городской бедноты получили возможность учиться. Менялось все, вплоть до архитектуры, манеры одеваться и вести себя. Даже в царской администрации пошатнулось казавшееся ранее незыблемым господство старого дворянства.

В менявшейся стране бурлили политические страсти, сталкивались противоборствующие идеологии. Самые нетерпимые критики существовавшего порядка объявили настоящую войну государству, в течение многих столетий притеснявшему общество. В шестидесятые годы девятнадцатого столетия появилась идеология аграрного социализма (народничества). Наиболее радикальные из народников участвовали в террористических актах. Появились и либеральные политические партии и движения. Но не они, а марксисты, начиная с восьмидесятых годов, стали наиболее активными критиками существовавшего порядка. Перед обществом и государством вставал целый ряд вопросов. Сможет ли царизм выдерживать революционный напор в течение времени, достаточного для модернизации общества и экономики? Смогут ли революционеры приспособиться к постоянно меняющейся реальности и избежать насильственных действий? И, наконец, смогут ли царские власти пойти на уступки, чтобы стал возможным положительный ответ на два первых вопроса?

Ленин был одним из многих представителей российской интеллигенции, требовавших революционных перемен. Его, ненавидевшего династию Романовых и всю старую Россию, презиравшего существовавший политический и экономический порядок, совсем не привлекали возможности поступательного развития всех сфер российской жизни. Он мечтал о новой России — о России европейской, похожей на развитые страны Запада. Но, восторгаясь Западом, а в особенности Германией — немецким марксизмом и Марксом лично, немецкой промышленностью и технологией, Ленин мечтал о переменах и там, о европейской социалистической революции. Он хотел повсеместно уничтожить все, что казалось ему отсталым и угнетающим — весь капиталистический строй,

будь то в России или в любой другой стране. Как и многие из его поколения, он верил в идеи просвещения, прогресса, науки и революции, но при этом давал каждому из этих понятий свою собственную интерпретацию.

Окружение Ленина сыграло не меньшую роль, чем его личные качества. Ленинскую политическую позицию разделяли его товарищи-большевики. Без энергии и практицизма партии большевиков Ленин, географически изолированный от России в годы эмиграции и не очень здоровый физически, мог бы остаться малозначимой политической фигурой. Большевики воспользовались нараставшим недовольством существующим порядком со стороны российской интеллигенции, рабочих и других социальных групп российского общества. Все особенности Российского государства — политическая напряженность, административная слабость, внутренние национальные и социальные противоречия, склонность народа к жестокости и насилию — сыграли на руку Ленину. Первая мировая война вызвала окончательный кризис, ставший для монархии смертельным. Кризис в экономике, транспорте и управлении государством привел к катастрофическим последствиям на Восточном фронте. Но в 1917–1918 годах большевикам несказанно везло. Военная победа Германии в 1918 году стала бы концом молодого советского правительства. Если бы не редкостное сочетание благоприятных условий, Ленин сыграл бы лишь эпизодическую роль на исторической сцене двадцатого столетия.

О Ленине написано очень много. Но до недавнего времени важнейшие документы, рассказывающие о его жизни и деятельности, оставались недоступными. Многие важные документы впервые были опубликованы только в самом конце существования СССР, при Михаиле Горбачеве². В 1991 году, после крушения СССР, первый президент России Борис Ельцин открыл центральные партийные архивы для прямого доступа. (В те годы я работал над трилогией о Ленине, ставящей целью объяснить связь между учением Ленина и его политической деятельностью в рамках революцион-

ной партии, основавшей первое в мире социалистическое государство.)

Предлагаемый мною подход к жизни и деятельности Ленина имеет ряд существенных отличий. Наиболее очевиден контраст с официальными советскими источниками, а также авторами-троцкистами, представлявшими Ленина безупречным мыслителем, политиком и гуманистом*. Другие авторы, хотя и не восхваляют Ленина, все же не замечают многих его недостатков. В частности, я не могу разделить убеждение Нила Хардинга в том, что единственным источником учения Ленина были марксистские принципы, а его деятельность полностью лежит в русле «ортодоксального» марксизма**. Точно так же трудно согласиться с мнением Рольфа Тина, что все базовые убеждения Ленина проистекают исключительно из немарксистских течений российской революционной мысли***.

Назову и других авторов, точка зрения которых отличается от представленной в данной книге. Так, Марсель Либман утверждает, что Ленин стремился свести к минимуму проявления авторитарности как внутри своей партии, так и в Советском государстве, а Александр Рабинович (труды которого широко цитируются) заявляет, что в 1917 году партия большевиков была организована по демократическому принципу****. По моему мнению, не находит достаточного подтверждения и предположение Моше Левина и Стивена Коэна о том, что незадолго до смерти Ленин сделал попытку реформирования коммунизма в направлении устранения связи этого понятия с диктатурой, классовой войной и террором*****.

* П. Н. Поспелов. Владимир Ильич Ленин; I. Deutscher. The Prophet Armed: Trotsky, 1879–1921.

** N. Harding. Lenin's Political Thought, vols 1–2.

*** R. H. W. Theen. Lenin: Genesis and Development of a Revolutionary.

**** M. Liebman. Leninism Under Lenin; A. Rabinovitch. The Bolsheviks Come to Power.

***** M. Lewin. Lenin's Last Struggle; S. F. Cohen. Bukharin and the Russian Revolution.

Идеологические убеждения Ленина по-прежнему остаются яблоком раздора для исследователей. Э. Карр видел в Ленине политика, с течением времени все больше заинтересованного в построении государственных институтов, чем в продвижении революции*. Адам Улам, анализируя ленинскую внешнюю политику, приходит к выводу, что по истечении нескольких месяцев после прихода к власти экспорт революции перестал быть для Ленина целью первостепенной важности. Крайний пример этой точки зрения предлагает Орландо Файгс, предполагающий, что советское вторжение в 1920 году в Польшу было предпринято исключительно с целью обороны**. Как показано в данной книге, идеология ленинизма имеет ключевое значение для понимания источников и последствий Октябрьской революции.

О личности Ленина также написано немало. Очевидно, ошибается Ричард Пайпс, изображая Ленина психопатом, для которого идеология не имеет существенного значения, а действия мотивированы в основном стремлением доминировать и убивать***. Нельзя согласиться ни с мнением Александра Солженицына и Дмитрия Волкогонова, убежденных, что Ленин и ленинизм абсолютно чужды русской традиции****, ни с антисемитским подходом Владимира Солоухина, для которого ленинская идеология в значительной степени является следствием наличия в его родословной еврейского предка*****. Менее демонической личностью предстает Ленин в трудах Ральфа Картера Элвуда, Дитера Гайера, Леопольда

* E. H. Carr. *The Bolshevik Revolution, 1917–1923*, vols 1–3; T. H. Rigby. *Lenin's Government* и М. П. Ирошников. Председатель Совета Народных Комиссаров.

** A. Ulam. *Expansion and Coexistence*; O. Figes. *A People's Tragedy*.

*** R. Pipes. *Russia under the Bolshevik Regime*. См. также работу этого же автора *Social-Democracy and the St. Petersburg Labour Movement*, в которой рассматривается значение идеологии. Моя точка зрения касается периода работы Ленина в правительстве.

**** A. Solzhenitsyn. *Lenin in Zurich*; Д. Волкогонов. Ленин: политический портрет.

***** В. Солоухин. При свете дня.

Хеймсона, Джона Кипа и Леонарда Шапиро*. В последние десятилетия появился ряд исследователей (в первую очередь следует упомянуть Шейлу Фитцпатрик и Рональда Суни), предполагающих, что для объяснения феномена Ленина вообще следует сосредоточить внимание не на его личности, а на государстве и обществе имперской России и Советского Союза**. В моих ранних работах также сделан акцент на политических и организационных факторах, принуждавших Ленина действовать определенным образом либо удерживавших его от совершения тех или иных поступков***. Даже Альфред Майер и Мартин Малиа, убедительно доказывающие важность идеологии Ленина, недооценивают препятствия, возникавшие на его пути к полной свободе самовыражения****. Действительно, деятельность Ленина следует рассматривать в контексте его времени, но все же решающее значение, как я надеюсь показать в данной книге, имело его личное влияние на события.

Данная книга написана не только с целью продемонстрировать подход, отличающийся от других исследователей. Мне хотелось предложить читателю то, что до сих пор было невозможным — а именно биографию. Советское государство скрывало от нас исторического Ленина. Документы и воспоминания, не вписывающиеся в официально принятый образ вождя, скрывались в архивах. Первым из советских руководителей нарушил традицию Михаил Горбачев, при котором были опубликованы воспоминания родных Ленина и членов партии большевиков. Тогда же был опубликован

* R. C. Elwood. *Russian Social-Democracy in the Underground*; D. Geyer. *Lenin in der Russischen Sozialdemokratie*; L. Haimson. *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*; J. H. L. Keep. *The Rise of Social Democracy in Russia*; L. B. Shapiro. *The Communist Party of the Soviet Union*.

** S. Fitzpatrick. *The Russian Revolution*; R. G. Suny. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*.

*** R. Service. *The Bolshevik Party in Revolution*; R. Service. *Lenin: A Political Life*, vols 1–3.

**** M. Malia. *The Soviet Tragedy*; A. Meyer. *Leninism*.

и ряд документов Политбюро революционного периода. В результате мы узнали о Ленине намного больше, чем ранее, но все равно историки пока что не имели доступа в архивы, не могли самостоятельно работать с интересующими их документами. Это стало возможным лишь в 1991 году. (Мне посчастливилось находиться в Москве в тот самый день, когда после неудачной попытки антигорбачевского путча были открыты центральные партийные архивы, и лично воспользоваться предоставленной свободой исторических исследований.) С течением времени гриф «Секретно» снимался со все возрастающего числа документов. Историки получили возможность держать в руках оригиналы протоколов Политбюро, Центрального Комитета, конференций и съездов, тщательно изучать материалы о борьбе Ленина в 1923 году за смещение Сталина. В результате Ленин как политик стал более понятной фигурой.

Уже одно это соблазняло еще раз присмотреться к Ленину. Окончательное решение о написании данной книги я принял после относительно недавнего открытия доступа к личной переписке и воспоминаниям близких родственников Ленина. Давние подозрения подтвердились: даже изданные при Горбачеве воспоминания супруги Ленина Надежды Константиновны Крупской публиковались с политически обоснованными купюрами. А ведь еще были воспоминания сестер и брата, врачей, медсестер и охранников... Наконец-то стало возможным написание ленинской биографии в полном смысле этого слова.

Книга началась с предпосылки, что невозможно истолковать Ленина-революционера и Ленина-человека в отрыве друг от друга. Его смешанное этническое происхождение также нельзя считать полностью лишеным значения, но невозможно представить себе, что только на этом основании можно объявить Ленина русофобом или лицом, склонным к жестокости. Что касается его родителей, то моя точка зрения заключается в том, что они являлись своего рода маргиналами, стремившимися интегрироваться в имперское общество и в конце концов потерпевшими неудачу.

Как и в других подобных семьях, родители возлагали все надежды на детей, изо всех сил стараясь дать им хорошее образование. Постоянное родительское давление не прошло даром для некоторых из детей Ульяновых. Ленину в этом отношении повезло, но и он на всю жизнь сохранил навязчивую привычку заставлять себя интенсивно трудиться и все успевать вовремя, пока болезнь окончательно не свалила его с ног. Свой след на личности Ленина оставило и полученное им образование. Предыдущие исследователи не оценивали того факта, что в годы учебы в гимназии Владимир Ульянов изучал очень узкий ряд предметов, в результате чего его разум оставался открытым к другим влияниям, в том числе революционным идеям. Полученное образование дало ему возможность читать на иностранных языках и с уважением относиться к науке, но при этом делало беззащитным перед влиянием любой идеологии, которая могла показаться юноше подходящей для объяснения того, что происходило в обществе.

Ленин мастерски умел скрывать чувства. Даже тяжелую психологическую травму, связанную с казнью старшего брата Александра³, он перенес внешне спокойно. Его семейная жизнь также проходила спокойно, в тесном сотрудничестве с супругой. Но и здесь не обошлось без подводных камней. Иногда его искушали другие женщины; одна из них, Инесса Арманд⁴, на какое-то время овладела его сердцем. Но Ленин, в общем и целом, обычно манипулировал окружающими его женщинами. Чтобы гарантировать помощь и поддержку с их стороны, он провоцировал между ними ревность, оставляя жену Надежду Крупскую на милость своих неприветливых сестер Анны и Марии⁵. Именно эти женщины регулярно помогали Ленину в организации повседневного быта. Надо сказать, что Крупская не всегда поддадала под очарование своего супруга, но все же она оставалась с ним до конца. Особенно связала их последняя, ставшая роковой болезнью Ленина в 1922 году.

Без любви и постоянной активной поддержки со стороны родных Ленин, будучи несколько ипохондричным от при-

роды, мог в любой момент взорваться. Он был настоящей миной замедленного действия: интеллектуальные убеждения бросили его в революцию, а страсти, кипящие глубоко внутри, сделали его порывы буйными и несдержанными. В Ленине было больше страсти к разрушению, чем любви к пролетариату. Деятельность Ленина-политика тесно связана с личностными особенностями Ленина-человека. Еще до 1917 года ленинские вспышки гнева были настоящей «притчей во языцех» среди членов партии, а незадолго до смерти они стали столь острыми, что окружающие всерьез задумывались о его душевном равновесии и даже психическом здоровье. Но чаще всего Ленин держал себя в руках, находя приемлемый выход для гнева в виде контролируемой агрессии. Ленин-политик был воином, это никогда и ни для кого не было секретом, но теперь мы можем представить себе реальные масштабы ленинской воинственности. Даже в периоды отступления, как при введении новой экономической политики в 1922 году, заявления и предложения Ленина звучат очень агрессивно. Правда, после консультаций с товарищами по партии, сотрудниками и знакомыми он смягчал формулировки своих идей, но базовых убеждений не менял никогда. Сдержанность Ленина — это сдержанность воина, рвущегося в битву, но осознающего необходимость временного и частичного отступления. Политика Ленина могла претерпевать изменения, иногда даже значительные, в особенности если его власть находилась под угрозой, но базовые убеждения с момента их формирования в начале девяностых годов девятнадцатого столетия и до самой смерти в 1924 году изменились весьма незначительно. Ленин мог несколько лет прожить в Лондоне, Цюрихе или Москве и при этом не сделать никаких выводов из увиденного в этих городах — выводов, которые легко пришли бы в голову человеку, не отягощенному застывшими предубеждениями. Ленин не был политическим хамелеоном. Можно сказать, что он жил и умер ленинцем.

Марксизм не единственное учение, оставившее след в учении Ленина. Известно, что Ленин находился под влиянием

идей террористов-народников второй половины девятнадцатого столетия. Не следует, однако, полагать, что ему приходилось выбирать между марксизмом и народничеством как между полярными идеями: в этих учениях есть много общего. Менее известно о других источниках ленинской идеологии. Очень сильно повлияли на его убеждения прочитанные в детстве и юности книги, начиная с «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу⁶. Любимые книги русских писателей, в том числе Глеба Успенского⁷, усилили скептицизм Владимира Ульянова насчет якобы существовавших бесконфликтных взаимоотношений внутри российской крестьянской общины. Позже Ленин немало почерпнул у таких авторов, как Макиавелли и Дарвин. Даже у случайных знакомых, враждебных к марксизму, Ленин мог найти близкие ему идеи. Одним из таких людей стал православный священник Георгий Гапон⁸, критик царских порядков. Итак, главной составляющей ленинской идеологии является марксизм, но кроме него мы видим комбинацию идей, позаимствованных из самых различных источников.

Не меняя базовых убеждений, Ленин мог, если считал необходимым, свободно менять стратегии, даже если это раздражало товарищей и сотрудников. В некоторых случаях он полностью игнорировал их мнение. Так было в случае Октябрьской революции, Брестского мирного договора или введения нэпа. Как глава партии, чтобы отвести критику от себя, он позволял последователям вступать между собой в дискуссии. Для товарищей по партии Ленин стал чем-то вроде апелляционного суда, состоящего из одного человека. Он был единственным членом партии большевиков, равно уважаемым всеми внутрипартийными группами. Патриархальный ленинский стиль укреплял его первенство в партии, за исключением, может быть, периодов болезни. Ленин искусно управлял партией; даже умеренные рекомендации звучали в его устах достаточно радикально, при необходимости он бывал уклончив и умел пользоваться второстепенными дискуссиями для достижения главной цели данного момента. Искусством обращаться одновременно

к разным группам слушателей и читателей он владел лучше, чем большинство современных ему политиков: в его языке с легкостью сочетались марксистская терминология и популистские лозунги. На партийных съездах победа всегда оставалась за ним. Наделенный даром жесткого и одновременно вдохновляющего лидерства, с течением времени Ленин научился осваивать все новые и новые политические технологии, но сохранял при этом «учительскую» манеру поведения и привычку придавать словам нетрадиционный смысл. Однако эти недостатки с лихвой покрывались силой его личности и непреклонностью убеждений; к тому же Ленин научился доверять своему политическому чутью.

Все же ленинская гибкость и способность приспосабливаться имели свои пределы. Личная неприхотливость Ленина находила отражение и в его политической жизни, проявляясь в узком подходе к политике. Он был фанатичным читателем и писателем, настоящим книжником, но ему стоило немалого труда научиться более-менее сносно произносить речи перед публикой. В 1917 году не Ленин, а Лев Троцкий, его ближайший товарищ, и Александр Керенский, премьер-министр Временного правительства, политический противник большевизма, демонстрировали мастерское владение политическими технологиями двадцатого столетия. Абсолютно ошибочно широко распространенное представление о том, что Ленин всегда был известным политическим деятелем. В 1917 году, по возвращении Ленина из эмиграции в Россию, его облик был знаком лишь немногим. О его книгах знали только хорошо информированные марксисты. Ни в «Правде», ни в других газетах не публиковались его портреты. Даже в годы гражданской войны при личной встрече Ленина узнавали далеко не все. Широкую известность Ленин приобрел лишь в 1921 году, после введения новой экономической политики. Этот факт имеет немалое значение для анализа политического влияния Ленина. Часто решающие для истории партии и правительства моменты проходили без его непосредственного участия: вначале годы сибирской ссылки и европейской эмиграции, затем, после

возвращения в Россию в апреле 1917 года, с июля до начала октября этого же года Ленин скрывался в Финляндии. К тому же Ленина часто выводили из строя серьезные проблемы со здоровьем, начавшиеся еще в молодости, — желудочные заболевания, мигрени, бессонница, рожистое воспаление, сердечные приступы различной степени тяжести. Ленину приходилось в значительной степени доверять управление государством товарищам по партии. К его досаде, они вполне справлялись и без него.

И все же Ленин стал творцом истории. В апреле 1917 года он разработал стратегию захвата государственной власти, изложенную в «Апрельских тезисах»; в октябре настоял на осуществлении захвата власти; в марте 1918 года, подписав сепаратный мирный договор в Брест-Литовске, предотвратил германское вторжение в Россию; в 1921 году ввел новую экономическую политику (нэп) и не допустил народного восстания, которое привело бы к крушению советского государства. Если бы не упорная борьба Ленина за эти стратегические действия, возникновение и укрепление СССР могло бы стать невозможным. Ленин, однако, не всегда тщательно просчитывал последствия своих действий. Яркий пример — создание централизованного однопартийного государства. Одно из величайших зол двадцатого столетия возникло не в результате грандиозного плана, а почти без всякой подготовки, хотя и не случайно: даже импровизируя, Ленин мыслил и действовал согласно своим неизменным базовым убеждениям, и делал это с удовольствием. Он гордился своим учением, партией и революцией. Влияние Ленина на события мировой истории не ограничивается временем его жизни. Его наследие огромно. Ленин создал Совнарком⁹, разогнал Учредительное Собрание, учредил Чрезвычайную комиссию, созвал Коммунистический Интернационал¹⁰. Но его влияние на умы еще шире, чем на непосредственные исторические события. Именно Ленин устранил из политики этические препятствия, оправдал диктатуру и террор, одобрил наличие политического авангарда и необходимость «твердой руки», убедил членов своей партии в том, что его учение представ-

ляет собой истинный марксизм и предлагает единственно верную политику действий. Влияние ленинской теории и практики на крайне левых социалистов как в России, так и за ее пределами сохраняется до сих пор.

ЛЕНИН: ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Усопшего не оставили в покое. По приказу Политбюро тело держали на льду в Центральном Московском морге, пока ученые не закончили эксперименты, позволившие им забальзамировать его и выставить на постоянное публичное обозрение. Надежда Константиновна категорически возражала, хотя уже начинала привыкать к тому, что с ее мнением почти не считались; к тому же постановления Политбюро не подлежали обсуждению.

А решение было однозначным: поместить тело ее мужа в Мавзолей на Красной площади с северо-восточной стороны Кремля. Конструкция предполагалась деревянной. (Современное мраморное здание было построено в 1930 году.) Мороз стоил настолько жестокий, что замерзшую землю пришлось взрывать динамитом. Большевицкое руководство объявило о якобы полученном обращении рабочих к официальным властям с просьбой законсервировать тело Ленина для демонстрации потомкам. Это была вопиющая ложь ради политики: идея родилась не в рабочих массах, а в недрах Политбюро. Главным ее инициатором стал не кто иной, как Иосиф Сталин, убежденный в том, что тело в Мавзолее послужит символом сплочения для граждан СССР и последователей коммунизма во всем мире.

Теперь, когда ленинский Мавзолей вошел в число классических архитектурных творений, трудно представить, насколько эксцентричным казалась идея его создания в 1924 году. Древние египтяне бальзамировали своих фараонов, но помещали их в деревянные саркофаги и замуровывали в подземных камерах каменных пирамид недалеко от Каира. Ленин, одетый в темный костюм, должен был предстать перед глазами любого посетителя Красной площади. В рус-

ской православной церкви существует традиция показывать верующим мощи мужчин и женщин, причисленных к сонму святых; но ни один святой не удостоился чести быть превращенным в манекен для ежедневного разглядывания обывателями. Насущная необходимость «мавзолеизации» объяснялась непрочностью положения Политбюро. Ленин являлся наиболее популярным его членом; его Декрет о земле 1917 года и новая экономическая политика 1921 года были восторженно восприняты большинством населения страны. Члены Политбюро стремились использовать часть этой ауры всеобщего почитания лично для себя.

Вместе с тем работы Ленина приобрели статус Священного Писания; «Собрание избранных сочинений» Ленина, публикация которого началась в 1920 году, по значимости превзошло все когда-либо напечатанное на земле. В специально организованном Институте мозга хранились тридцать тысяч срезов, взятых из мозговой ткани вождя, с тем чтобы со временем приступить к научному раскрытию секретов его великого гения. Поиски в идеологической области увенчались открытием нового философского направления: марксизма-ленинизма. Ленин из простого пехотинца марксистского батальона вознесся в ранг мыслителей мирового масштаба, сравнявшись со своими кумирами, Марксом и Энгельсом. Величайшими его достижениями были объявлены Октябрьская революция, большевистская партия и СССР. Он вписал новую, светлую страницу в историю человечества.

Все правительства мира — будь то консервативные, либеральные или социалистические — трепетали перед последствиями 1917 года; а зарождение фашизма в некоторых европейских странах во многом объяснялось стремлением противодействовать советскому коммунизму с его потенциальной способностью к воспроизведению в любой части континента. Двадцатый век был выкован на ленинской наковальне захвата и консолидации власти в Петрограде. Когда в 1924 году Петроград был переименован в Ленинград, это казалось достойным признанием его исторической значимости.

Надежда Константиновна просидела возле гроба мужа все время, пока он был выставлен для торжественного прощания. Она чувствовала себя совершенно одинокой. Ее родители умерли, у нее не было ни братьев, ни сестер, и она никогда не чувствовала себя своей в кругу родственников Ленина. Самым близким человеком была двадцатипятилетняя дочь Инессы Инна, которая была для нее, никогда не имевшей детей, как родная. После похорон она написала ей письмо:

«Милая, родная моя Иночка, схоронили мы Владимира Ильича вчера... Смерть была для Ленина лучшим выходом. Он уже так много раз пережил смерть в прошлом году... Сейчас больше всего хочется думать о Влад. Ильиче, об его работе, читать его»*.

Надя больше никогда не поверит специалистам медикам. Она уверилась в том, что Ленину пришлось терпеть страдания до самого конца: «Говорят, он был без сознания, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают»**. Но еще сильнее ее раздражало Политбюро. Решение сохранить тело ее мужа претило ей. Вскоре она снова пишет Инне:

«Когда среди наших возник проект похоронить В. И. в Кремле, я была страшно возмущена — то, что они должны были сделать, это похоронить его вместе с товарищами, чтобы они могли лежать рядом под Кремлевской стеной»***.

Коммунистическая администрация постоянно держала это письмо под грифом «совершенно секретно». Что неудивительно. Надежда Константиновна не просто протестовала против решения о бальзамировании и мавзолеизации. Говоря о том, что Ленина следовало похоронить по-человечески в указанном месте, она тем самым рекомендовала, чтобы

* РЦХИДНИ, фонд 12, оп. 2, д. 254, л. 1, 5, 6.

** Там же, л. 1.

*** Там же, л. 7; недатированное письмо, написанное до 25 марта 1924 г.

место его вечного упокоения находилось рядом с матерью Инны, Инессой Арманд. У Нади была широкая душа. Что-то заставляло ее стремиться к соединению этих двух людей даже после смерти; она хотела, чтобы ее муж лежал рядом со своей бывшей любовницей в холодной московской земле*.

Но этому не суждено было сбыться. Возведение Мавзолея продолжалось, несмотря на ее отчаянные протесты, направлявшиеся Сталину и Политбюро. Однако до последнего времени историки не имели возможности оценить, в какой степени она помогала установлению ленинского культа во всех остальных отношениях. Ненависть к Мавзолею не мешала ей активно пропагандировать образ Ленина как идеального революционера, мыслителя и мужа. Сразу же после похорон она засела за брошюру о нем**. Это ли не самое наглядное подтверждение того, что она жила ради политики почти в такой же степени, как ее покойный муж. Она оплакивала его, но горе не помешало ей писать о нем в довольно беспристрастной манере. Более того, она принялась за дело в тесном взаимодействии со Сталиным.

Мы привыкли, что историки рисуют нам картину постоянной враждебности между Крупской и Сталиным. В архивах партии сохранились документы, рисующие совсем иную картину. В мае 1924 года, закончив черновой вариант, Крупская по собственной инициативе послала копию рукописи Сталину с просьбой высказать свое мнение. Он ответил, предложив ряд фактографических поправок, и порекомендовал не тянуть с публикацией***.

Их сотрудничество продолжалось долгие годы. Несмотря на то что Надежда Константиновна не оставила своей работы в Наркомате просвещения, все свободное время она посвятила

* Это, кстати, противоречит высказанной Ю. Корякиным на съезде народных депутатов легенде о том, что Ленин хотел быть похоронен на Волковом кладбище в Петрограде рядом со своей матерью.

** Письмо к И. А. Арманд, 28 января 1924 (РЦХИДНИ, фонд 12, оп. 2, д. 254, л. 6), в котором сообщается о начале работы над брошюрой, но точная дата не указана.

*** РЦХИДНИ, фонд 12, оп. 2, д. 41, л. 3 (Крупская) и 4 (Сталин).

чтению лекций и написанию статей о Ленине. Канонизация его памяти стала ее главной заботой, и она практически превратилась в верховную жрицу ленинского культа. Вопрос был настолько же личный, насколько политический. Все имевшиеся у нее фотографии Ленина она собрала в альбом, а обложку украсила словом Ильич, вырезанным из других его фотографий. Она заботливо хранила кожаный портфель, который Ленин получил в подарок от группы рабочих и отдал ей. Надежда Константиновна так никогда и не оправилась от потери мужа*.

Помимо нее на должность верховной жрицы претендовали Анна Ильинична и Мария Ильинична. Но их соперничество было вполне дружеским. Теперь, когда предмет их восхищения покинул этот мир, три женщины стали лучше ладить между собой. Но если верховных жриц было трое: Надежда, Анна и Мария, то верховным жрецом, вне всякого сомнения, стал сам Сталин. Между тем тайный сговор высших руководителей партии, стремившихся замолчать политическое завещание Ленина, позволил Сталину сохранить пост Генерального секретаря, и он быстро включился в коллектив, занятый разработкой комплекта доктрин, объясняющих суть ленинского учения. Курс его лекций в университете Свердлова, опубликованный в «Вопросах ленинизма», представлял собой краткое изложение ленинских идей. Троцкий, Зиновьев, Каменев и Бухарин тоже внесли посильную лепту в увековечение памяти основателя партии, разъясняя его значение для мирового коммунизма. Велась напряженная работа по систематизации его идей. Процесс грозил затянуться до бесконечности — уж слишком много противоречий оставил после себя Владимир Ильич.

Но если с систематизацией вышла заминка, то с цензурой материалов о нем трудностей практически не было. Поступило негласное указание, чтобы описания Ленина составлялись в традициях церковно-житийной литературы. В партии и правительстве были развернуты отделы пропаганды, постав-

* В девяностых годах хранились в Музее Ленина в Горках под Москвой.

ленные на службу единственно этой цели. Сочинения вождя печатались тиражами в сотни тысяч экземпляров. Бумаги Ленина подверглись скрупулезному изучению, и Каменев возглавил редакционную коллегию, занимавшуюся публикацией ранее неизвестных его работ.

Цель всегда была одна. Ленина следовало изобразить не просто героическим персонажем в истории большевизма и мировой революции, а придать ему мифический статус всеведущего революционного святого. Не допускалось ни единого пятнышка на его репутации как теоретика, пропагандиста и партийного организатора. Ленина надлежало почитать, как единственного великого наследника Маркса и Энгельса в первой четверти двадцатого века. Дар предвидения и решимость, проявленные им в период, когда он создавал партию большевиков и вел ее-за собой через горнило Октябрьской революции и гражданской войны, заслуживали ничем не сдерживаемых славословий. Гений партийного вождя, премьера правительства, военного стратега и государственного мужа мирового масштаба нуждался в восхвалении. Человечность друга, товарища и мужа требовала фимиама.

С течением лет получила повсеместное распространение еще одна форма ленинского культа. Все сказанное им должно было точно соответствовать сиюминутным интересам руководства коммунистической партии. По мере того как разворачивалась борьба за престолонаследие, группа претендентов — Каменев, Зиновьев, Сталин и Бухарин — постепенно вычистила из исторических книг все, что хотя бы косвенно могла бросить на них малейшую тень. Больше всего пострадал в этом соперничестве Троцкий; конкуренты не только лишили его и его сторонников всех мало-мальски важных постов, но и препятствовали появлению в печати материалов, демонстрирующих его тесные рабочие отношения с Лениным. В результате возник новый, в значительной степени воображаемый образ покойного вождя, вождя, который поддерживал теплые отношения только с теми, кто в настоящий момент стоял у кормила власти.

Главные ревнительницы культа — Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Анна Ильинична — объединили усилия в создании квазирелигиозного мифа. Они понимали, что каждая публикация должна соответствовать критериям описания жития святых и политического расчета. И все же родственники Ленина не всегда могла предугадать, откуда подует ветер, и многое из написанного ими так и не доходило до печати. В конечном итоге им пришлось примириться с точкой зрения Сталина. К тому времени как за мемуары взялись остальные, неписанные правила культа стали ясны всякому, и авторы знали, что от них требовалось. Вдобавок возглавлявшиеся Сталиным Секретариат и Центральный Комитет засекретили целые страницы протоколов большей части заседаний высшего политического руководства партии и правительства. Открытыми оставались только тщательно отобранные выдержки из документов. Причины подобных мер предосторожности легко объяснимы. СССР, Октябрьская революция и марксизм-ленинизм не могли иметь оправдания, пока благоговение перед Лениным не превратилось в общенародное чувство. Таким образом, культ основателя партии не был для его последователей простой прихотью. Он был политической необходимостью. Ею он и оставался до самого конца СССР.

Время вносило изменения в список верховных жрецов культа кардинальные изменения. Антитроцкистский блок Каменева, Зиновьева, Сталина и Бухарина распался сразу же после разгрома Троцкого в 1924 году. Каменев и Зиновьев выступили против Сталина и Бухарина и проиграли. Затем против Сталина восстал Бухарин и потерпел поражение. К 1928–1929 годам Сталин приступил к осуществлению первого пятилетнего плана. Он загнал крестьян в колхозы, подавил их сопротивление, арестовал и отправил в тюрьмы националистов, служителей культа, критически настроенных интеллектуалов и внутрипартийных оппозиционеров. В 1937–1938 годах по его наущению в стране разбушевался великий террор. Именно тогда появился «Ленин», в точности соответствовавший требованиям теку-

щего момента. Сталинский Ленин всегда был другом Сталина. Подразумевалось, что в своих решениях он опирался на советы Сталина и видел в Сталине достойнейшего из возможных наследников. Текст ленинского политического завещания стал запретным для всех средств массовой информации, а оппоненты новой официальной версии прошлого либо казнены, либо брошены в принудительно-трудовые лагеря системы Гулага¹¹.

Сталин запустил в обращение миф о том, что он — это «Ленин наших дней». Его особое пристрастие к насилию, иерархии, порядку и дисциплине нашло отражение во всех учебниках по истории. Ленинский вариант марксизма подвергся тщательной очистке от противоречий. Имя Ленина получила самая массовая организация советской молодежи: Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи (ВЛКСМ). Вышли из печати новые издания его избранных сочинений. Картины, изображающие основателя партии в решающие исторические моменты, украсили все художественные галереи, но помимо того его изображения встречались повсюду: на почтовых марках и посуде, на плакатах, вывешенных на главных улицах городов советской страны. Его портреты стали обязательным атрибутом первых страниц каждого номера центральных газет «Правда» и «Известия». Высшую награду страны назвали орденом Ленина. Цитаты из его работ использовались при обучении школьников, чтобы они вырастали убежденными коммунистами, цитатами подкрепляли свои выступления ораторы на съездах партии. В атеистической Троице марксистско-ленинского учения советские пропагандисты ставили на первое место не Маркса и Энгельса, а именно Ленина. Ленин становился Богом марксизма-ленинизма.

Марксизм-ленинизм все больше превращался в новую, активно насаждаемую идеологическую разновидность, марксизм-ленинизм-сталинизм, а Сталин, по многим причинам, требовал, чтобы его изображали представителем Ленина на Земле. В годовщину Октябрьской революции Сталин поднимался на трибуну Мавзолея у Кремлевской стены и на-

блюдал за парадом войск, молодежных организаций и спортсменов. Он не отказался от этой традиции даже в 1941 году, когда существовала реальная возможность бомбардировки Москвы силами люфтваффе. Поэт Владимир Маяковский закончил одно из своих творений словами: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!». Будучи не в состоянии воскресить Ленина, как современного Лазаря, советский режим делал все возможное, чтобы вдолбить в головы своих граждан веру в то, что ленинское наследие живет собственной, неугасимой жизнью.

Новый «Ленин» напоминал покрытую лаком лубочную картинку. Ссылки на нерусские корни в его родословной строго воспрещались; никто, кроме хорошо информированных ветеранов-большевиков, не знал, что его предки уже во втором колене не были русскими. О принадлежности к благородному сословию нигде не упоминалось; даже тот факт, что Ульяновы вели вполне безбедное существование, фигурировал достаточно редко. Классическое образование, симпатии к террористам-народникам и привычка к комфортабельной жизни даже в сибирской ссылке обсуждению не подлежали. Любое упоминание о том, что Ленин заимствовал свои идеи у других мыслителей и политиков, квалифицировалось как ересь. Умалялось даже влияние на него Маркса и Энгельса. Описания разногласий внутри большевистской партии ограничивались борьбой Ленина, Сталина и верных ленинцев, с одной стороны, с кучками ни на что не годных болтунов — от Мартова в 1903 году до оппортунистов в Политбюро начала 1920-х годов — с другой. Личные аспекты жизни Ленина не столько искажались, сколько держались в строжайшей тайне. Перечень запретных тем возглавляла связь с Инессой Арманд. Супружеские отношения характеризовались как политическое сотрудничество — ну, может, чуть-чуть более того. Даже личному обаянию, располагавшему к нему друзей и товарищей, не нашлось места в исторических характеристиках. Коварство партийного руководителя замечать категорически возбранялось. Все случаи шарахания от твердолобой настойчивости к готовности идти на компромисс

и тщательно просчитанную подтасовку фактов безжалостно вымарывались.

За пределами СССР предпринимались попытки более правдоподобных описаний Ленина. Выходили мемуары знавших его меньшевиков; а Троцкий после высылки в 1928 году опубликовал несколько статей, обличавших беспардонную лживость современных советских биографов. Но даже Троцкий не мог поднять все материалы, хранившиеся в московских архивах, к тому же перед ним стояли другие политические задачи. Он заявил о том, что именно ему, а не Сталину, Ленин отдавал предпочтение как политическому наследнику. Разумеется, выступления Троцкого против «сталинской школы исторических фальсификаций» можно отчасти объяснить поисками личной выгоды. Меньшевики тоже не были беспристрастны; ни один меньшевистский мемуарист не собирался нежничать с образом человека, который посадил за решетку или депортировал все их руководство. Тем не менее, как Троцкий, так и меньшевики описывали и анализировали фигуру Ленина в выражениях, низводивших его с пьедестала полубога до положения простого смертного.

Западные коммунисты добросовестно изучали присланный им из Москвы лубочный вариант. Они воспринимали Ленина через сталинскую призму, и для них стало настоящим шоком сделанное после смерти Сталина в 1953 году заявление его наследников о том, что Ленин и Сталин никогда не сходились во мнениях ни по одному вопросу. В 1956 году Никита Хрущев¹² процитировал выдержки из политического завещания Ленина и добавил, что в 1930-е Сталин развернул в стране кампанию массовых убийств. Для всего коммунистического мира, и особенно для СССР, откровения Хрущева явились сенсацией. Низвергнув Сталина с пьедестала, новый руководитель партии посчитал себя обязанным еще выше поднять знамя ленинизма. Поступил заказ на издание невиданным тиражом пятого «Полного собрания сочинений». Официальная биография Ленина была переписана заново. Тщательно проверенные историки получали доступ в Центральный архив партии на улице Пушкина одновре-

менно с указанием придерживаться в основном варианта трактовки ленинской биографии, принятого при Сталине, с единственной разницей: им позволялось выносить на свет любые разногласия между Лениным и Сталиным. Кроме того, в целях исторической достоверности разрешалось не связывать все случаи фракционных разногласий с капиталистическим заговором и не подчеркивать деспотизм Ленина по отношению к товарищам по партии.

За рубежом, однако, на основании новой информации делались далеко идущие выводы. Некоторые историки выдвинули гипотезу, что последние схватки Ленина со Сталиным продемонстрировали разницу между коммунизмом в период новой экономической политики и коммунизмом в пору гражданской войны. Такого же подхода придерживались неортодоксальные советские историки вроде Роя Медведева¹³. Они доказывали, что перед смертью Ленину открылись перспективы долговременного коммунистического порядка с элементами культурного плюрализма, этнического многообразия и, возможно даже, смешанной экономики. В коммунистических партиях Запада эти идеи встретили самый радужный прием. Некоторые так называемые еврокоммунисты¹⁴ в Италии, Франции и Испании выдвинули предположение, что если бы Ленин выздоровел, то можно было бы рассчитывать на построение в Советском Союзе коммунизма с человеческим лицом.

Другая группа еврокоммунистов, напротив, подняла вопрос о том, что стремление к диктатуре, террору, идеологической жесткости и отрицанию морали всегда являлось неотъемлемой чертой ленинизма. Для антикоммунистов это не стало большим открытием: они с самого начала считали, что влияние Ленина на его эпоху было исключительно пагубным. Но как измерить степень этого влияния? Когда исследователи подошли вплотную к данному вопросу в 1970-х и 1980-х годах, их интересовали главным образом политические аспекты. Кропотливому изучению подверглись интеллектуальное окружение российских революционеров конца девятнадцатого века, внутренние разногласия среди

марксистов Российской империи, российская разновидность марксизма и полномочия вождей коммунистической партии до и после захвата власти в России в результате Октябрьской революции. Но все это время никто не возражал против общепринятой, как на Западе, так и в СССР, точки зрения, согласно которой Страна Советов явилась плодом усилий главным образом одного человека: Ленина. Поэтому образ Ленина как актера на мировой сцене не претерпел существенных изменений. Менялись лишь детали, но не суть картины. Ленина ставили на одну доску с Гитлером, Сталиным, Черчиллем, Рузвельтом¹⁵, Хрущевым, Горбачевым и некоторыми другими исполнителями главных ролей в исторической пьесе двадцатого века.

Несмотря на многочисленные разногласия, постепенно распространилось мнение, что Ленин был не совсем тем демиургом, каким его рисовали как коммунисты, так и их враги с того момента, когда он оказался в центре мирового внимания в 1917 году. Дальнейшие исследования в политической, социальной и экономической сферах показали, что его цели в значительной степени совпадали с традиционным направлением исторического развития России. Неожиданно для себя многие авторы получили такие результаты анализа, которые указывали на то, что вклад Ленина в историю его страны был не столько вкладом творца, сколько помощника.

Это означало, что придется игнорировать слишком много фактов. Некоторые повороты в истории России и всего мира не могли ли бы произойти без Ленина. Бесспорно его влияние на события, учреждения, обычаи и общественное мнение. На тот момент это казалось главным, и многие комментаторы чувствовали то же самое много лет спустя. Ленин основал большевистскую фракцию. Он написал «Что делать?», «Апрельские тезисы», и «Государство и революцию». Он разработал стратегию захвата власти и проследил за его осуществлением. Не только Октябрьская революция, но и Брест-Литовский мирный договор и новая экономическая политика не могли бы иметь места без его влияния — и советский режим мог бы быстро исчезнуть в мусорной

корзине истории. Он не планировал создавать однопартийное государство, возникшее в 1917–1919 годах, но некоторые учреждения этого государства задуманы именно им. В их числе ЧК, и это он настаивал на продолжении террора как главного инструмента власти в распоряжении коммунистов. Но главное в том, что Ленин явился основателем самой Российской коммунистической партии, партии беспрецедентной приверженности централизму, иерархии и массовой политической активности. Странно было бы утверждать, что не будь на земле Ленина, в России не было бы крайне левой партии. Но не менее абсурдным было бы предположить, что Советское однопартийное государство с унитарной идеологией могло бы родиться без Ленина.

Ни Ленин, ни его близкие соратники по партии не знали заранее, какое государство они построят, более того, только удача помогла им продержаться первые годы после Октябрьской революции. Ленинисты принесли с собой во власть ряд рабочих теорий. В своем понимании политики они отдавали приоритет диктатуре, классово-борьбе, вождизму и революционному отрицанию морали. Кому, если не «авангарду», было лучше знать, что нужно рабочему классу, и как было не использовать это неопровержимое знание мира — прошлого, настоящего и будущего — для ускоренного продвижения к совершенному обществу на земле. Творцом этих теорий был отнюдь не Ленин. Скорее наоборот, они были распространены повсеместно, и в той или иной форме их можно отыскать и в марксизме, и в российском революционном терроризме середины девятнадцатого века, и в других европейских авторитарных революционных доктринах. Их следы ведут к гораздо более древним историческим традициям. Не зря ленинизм сравнивали с ожиданием тысячелетнего царства Христова в эпоху допетровской православной церкви и с кальвинизмом шестнадцатого века. Но дело в том, что о неизбежности возобновления подобных традиций после 1900 года смешно было говорить. Для этого нужна была российская марксистская партия. И особенно нужен был Ленин.

Созданное Лениным государство просуществовало в целостности и сохранности более семи десятков лет. Здание было возведено с необычайной быстротой даже при отсутствии детальных архитектурных планов. За 1917–1919 годы под руководством Ленина была проделана вся основная работа. Фундамент был залит, несущие стены возведены, крыша накрыта. Политика монополизирована и централизована. Аппарат принуждения приведен под твердую руку партии. Экономика национализирована и под контролем у государства. Религия подвергнута систематическим преследованиям. Национальные чаяния взяты под подозрение. Высокое искусство и духовная культура поставлены на строгий учет. Образование загнано в рамки коммунистической идеологии. Введение и отмена законов зависят от прихоти партийного руководства, а законодательные, исполнительные и юридические функции государства намеренно перемешаны. Общество поставлено в положение объекта для промывания мозгов и мобилизации на трудовые и военные подвиги. Развернуто наступление на все организации, имеющие хоть какую-то независимость от Кремля.

И все же фигура Ленина, как вождя и теоретика, явление достаточно сложное. Уже в процессе возведения здания к нему приходилось добавлять необходимые пристройки; приходилось импровизировать и, конечно, Ленин был не единственным архитектором: в его партии были и другие, кто оказывал влияние на строительные работы. Верховные руководители большевиков постоянно меняли планы. До 1921 года они не загоняли в подполье последние оставшиеся в живых партии, а фракции в самой коммунистической партии продолжали существовать до наступления эпохи сталинского деспотизма, уже после смерти Ленина. Формальное введение органов цензуры произошло лишь в середине 1922 года. А национальная политика, которая, как считал Ленин, должна была позволить государству в конечном итоге растворить различные народности СССР в советском наднациональном сознании, была поначалу вполне милостива к национальному и этническому самовыражению

инородцев. Более того, период гражданской войны и новой экономической политики характеризовался невообразимой неразберихой. Связь, управление, надзор и принуждение осуществлялись намного более беспорядочно, чем в последующие годы. Теория и политика — это одно; реализация задуманного — часто совсем другое.

Тем не менее за несколько лет до кончины Ленина государственная система уже утвердилась. Она было радикально перестроена Сталиным, который утвердил в ней режим личного деспотизма и урезал влияние партии на Советское государство. Кроме того, Сталин затеял массовую резню не только среди поенного командования, классовых, политических и религиозных врагов коммунизма, но даже среди функционеров собственного правительства и партии. И все же суть системы осталась нетронутой — а Сталин, несмотря на маниакальную страсть к переустройству, предпринимал меры по усилению ее стабильности вплоть до своей смерти в 1953 году. Но когда Никита Хрущев провозгласил десталинизацию, все стало с ног на голову, и началась новая суматошная переделка. Эксперименты набирали темпы до самого смещения Хрущева в 1964 году. Его преемник Леонид Брежнев¹⁶ питал слабость к достижениям Сталина, но ограничился отменой наиболее экстравагантных хрущевских начинаний.

Интересно, что все без исключения советские лидеры оправдывали самые неожиданные свои поступки верностью ленинским традициям правления Советской страной. С 1917–1919 до конца 1980-х годов система оставалась явно ленинским творением. Октябрьская революция, марксизм-ленинизм и СССР обязаны ему своим существованием больше, чем кому-либо другому. Революционная Россия, построенная Лениным в специфических условиях военного времени, была изобретением, которое можно было воспроизвести. Ленин мечтал экспортировать свои архитектурные проекты и поставил за правило, что партии, входившие в Коммунистический Интернационал, должны были придерживаться разработанных в Москве идеологических и орга-

низационных принципов. Если бы у него была возможность, он бы не преминул опробовать свой шаблон на революционных коммунистических государствах. Эта задача, однако, выпала его преемнику, Сталину. Более того, ленинский шаблон оказался пригодным для марксистских революционеров в Китае, Северном Вьетнаме и на Кубе. Специфические особенности стран, подлежавших насаждению коммунизма, значения не имели. Перед ним не устояли ни промышленно развитая, образованная, католическая Чехословакия, ни аграрный, неграмотный, буддистский Северный Вьетнам. Методы насаждения варьировались от ввода войск до местной коммунистической агитации. Но результаты, по сути дела, были одни и те же. Еще одно доказательство того, что Ленин в ответе за многое.

Уже в 1920-х годах ленинская система спровоцировала подъем реакционных настроений за пределами Советской России. Возникновение фашизма не заставило себя долго ждать; Муссолини¹⁷ уже разрабатывал политическую доктрину захвата власти в Италии крайне правыми, осуществленную им в 1922 году. Но нет сомнения, что именно гитлеровским нацизмом был вскормлен животный антагонизм к Коммунистическому Интернационалу, марксизму-ленинизму и СССР. Во многих отношениях история Европы в период между войнами связана с борьбой против последствий 25 октября 1917 года. После второй мировой войны проблема не исчезла. Соперничество между сверхдержавами, США и СССР, было борьбой двух противоположных систем в политической, экономической, идеологической и военной областях — но советская система оставалась в принципе той же, какой ее Ленин завешал Сталину, а Сталин своим преемникам.

Парадокс заключается в том, человек, сделавший больше всех для развала возведенного Лениным здания, сам был верным ленинцем. Михаил Горбачев вступил в должность генерального секретаря партии с намерением привести СССР в максимальное соответствие с теориями и практическими советами своего кумира. Он импровизировал не хуже Ленина,

не сверяясь с детальными чертежами. С каждым шагом перестройки перед ним открывались новые перспективы реформ. Но ни он, ни его соратники, коммунисты-реформаторы, не поняли, что здание коммунизма — это архитектурное сооружение, где все взаимосвязано. Управление, политика, экономика, законодательство, идеология, социальное обеспечение и даже отношение к окружающей среде были строго обусловлены первоначальной концепцией Ленина. Удаление любой стены, потолка или дверного проема было чревато разрушением всего здания. Горбачев недооценил — в действительности он и не подозревал о ней — степень риска. Он упразднил политическую монополию коммунистической партии. Децентрализовал систему управления. Ликвидировал цензуру и дал свободу религиозному и национальному самовыражению. Ослабил государственный контроль над экономикой. Денонсировал деспотизм партийного руководства. Все это он сделал, будучи убежден, что восстанавливает в СССР подлинный дух ленинизма. Любая из его реформ могла нанести непоправимый вред стабильности государства. Тот факт, что он успел промести все эти реформы в очень короткие сроки, обрек Октябрьскую революцию, марксизм-ленинизм и СССР на исчезновение с лица земли.

С конца 1991 года, когда Советский Союз испустил последний вздох, а Горбачев подал в отставку с поста президента, предпринималось несколько попыток выказать прежнее почтение Ленину. Коммунистические государства приказали долго жить еще в 1989 году, а в Народной Республике Китай, несмотря на внешние проявления верности ленинизму, экономические реформы повернули государство и общество в сторону капиталистической экономики. Даже в России, где коммунистическая партия старается завоевать признание под руководством Геннадия Зюганова¹⁸, никто особенно не собирался защищать или превозносить историческое наследие Владимира Ленина.

Но неужели с Лениным в самом деле покончено? Опросы общественного мнения показывают, что он остается од-

ним из самых популярных правителей в истории. Его затнувшаяся популярность так сильна, что президент России Борис Ельцин в 1990-х годах не осмелился вынести его из Мавзолея на Красной площади и похоронить общепринятым способом. Ленин продолжает пользоваться уважением у широких масс населения. Когда он был жив, им восхищались даже те, кто пострадал от его политики. Так, крестьяне, приходившие к нему с прошениями, верили ему, несмотря на его стремление избавиться от крестьянства. После смерти на него часто ссылались в разговорах и народных песнях как на мудрого царя, который бы не потерпел злоупотреблений властью, практиковавшихся его преемниками. Нет сомнения, что усилению подобных настроений в народе способствовали продолжающиеся официальные славословия его величию. Нельзя сбросить со счетов и того, что образ Ленина еще много десятилетий будет сохранять значительное влияние на умы россиян. Также невозможно гарантировать, что его память не будет вновь призвана к действию, и не обязательно штатными коммунистами, в тех многочисленных уголках света, где капитализм станет причиной невыносимых страданий населения. Ленин еще не совсем мертв, по крайней мере пока.

Пытаясь его уничтожить, политик Ельцин и многие антиленинские историки в России избрали оружие, давно привычное западным авторам. Почти всегда это попытка представить его фигуру в каком-то одном плане. Ленин государственный террорист. Ленин идеолог. Ленин вождь, или писатель, или даже любовник. Не все стороны его жизни рассматриваются одинаково пристально — и не всегда в этом вина авторов. До последних лет мы не имели возможности узнать почти ничего о членах его семьи, о размолвках между ними и о взаимной поддержке. А сведения о его учебе, материальном положении — не говоря уже о физическом состоянии, любовных связях, стиле работы и повседневных привычек — и вовсе были нам недоступны.

Некоторые из этих сведений были засекречены потому, что могли повредить его репутации с точки зрения обще-

принятой морали. Он изменял жене, эксплуатировал мать и сестер, тряся над своим здоровьем, был невысокого мнения о русских и даже о большинстве большевиков. Он наслаждался террором и не имел ни малейшего представления, как Советский Союз сможет от него отказаться. В письмах и телеграммах он еще более безжалостен, чем в книгах. Значительная часть его корреспонденции была настолько циничной, что Сталин запретил ее публикацию даже во время великого террора в 1937–1938 годах. К тому же Ленин был большой оригинал. В соблюдении распорядка дня он был до крайности педантичен, не терпел шума в кабинете, плохо заточенных карандашей и всего, что отвлекало внимание, вплоть до того, что отказывал себе в шахматах, Бетховене и прелестной Инессе. Он обожал вмешиваться в личную жизнь товарищей. Ни один государственный деятель мирового масштаба не чувствовал себя так раскованно, назначая лечение коллегам по партийному руководству. Между тем Ленину приходилось сдерживать себя гораздо чаще, чем кто-либо на свете мог предположить. Без постоянного женского окружения он бы никогда не поднялся до величайших исторических вершин. В нем, до самого конца, оставалось что-то от избалованного ребенка. Кроме того, этому баловню чаще всего очень легко было привлечь к себе необходимое внимание.

Его восхождение к власти и славе стало возможным потому, что ему повезло с семьей, образованием, идеологией, ситуацией в стране и — не в последнюю очередь — с полученной при рождении индивидуальностью. Ленин это понимал; настаивая на том, что общее политическое и экономическое положение дел должно быть благоприятным, он никогда не переставал повторять, что революции не просто происходят: их делают. А в таком мероприятии необходим вождь. Ленину доводилось проигрывать — как в Лондоне в 1902 году, или в Женеве в 1915 году, или даже в Хельсинки в 1917 году — и его неудачи не раз могли оказаться фатальными. Но если бы он не достиг цели в вопросе о Брест-Литовском мире в 1918 году, или о новой экономической политике

в 1921 году, сейчас бы его не вспоминали, как одного из наиболее влиятельных деятелей прошедшего столетия. И все же этот невысокий, нетерпимый, педантичный, аккуратный, болезненный человек, умный и уверенный в себе политик не остался бумагомарателем в Британском музее или в Женевской публичной библиотеке. Ему не помешали ни порывистая жестикуляция, ни шепелявость. Ляпсусы в прогнозах его не остановили. Блестящий ученик, ставший неуклюжим активистом марксизма и лидером фракции, сумел как можно лучше воспользоваться всеми возможностями, предоставленными ему судьбой (Историей).

Он возглавил Октябрьскую революцию, основал СССР и заложил основы марксизма-ленинизма. Он помог миру встать с ног на голову. Возможно, через несколько лет покажется, что он завел свою страну и, под сталинским руководством, треть мира в тупик. Будущему не по пути с ленинским коммунизмом. Но если будущее где-нибудь в другом месте, то мы не знаем, где точно. Ленина не ждали. По меньшей мере, его удивительная жизнь и карьера убеждают нас в необходимости быть бдительными. Не многим историческим персонажам удалось добиться такого результата. Спасибо и на том.

